Annotation

Мистическая история о неожиданном пути самопознания молодой девушки, которая силой своего разума способна проникать в мир иных материй.

Загадочные, не совсем понятные для нее события внезапно оборачиваются реальными воспоминаниями о ранее прожитой жизни.

Андрей Ливадный СТУПЕНИ

Пролог

Предо мной тетрадь. Обычная школьная тетрадь в сорок восемь листов.

Дневник. Не мой. Но я причастен к тем событиям, что изложены на его страницах, торопливым, не всегда разборчивым почерком.

Когда-то и я писал так, урывками, где и как придется. Это теперь сижу за компьютером и долго думаю, прежде чем пальцы сами начинают скользить (именно скользить), едва прикасаясь к клавишам. Они не успевают за мыслью, а мысль в свою очередь за воспоминаниями, ассоциациями. Многое приходит в такие минуты.

Минуты ли?

Перестаешь ощущать время.

Пальцы скользят, клавиша «шифта» заедает, иногда вместо запятой выскакивает точка, «Word» услужливо подчеркивает красным слова с опечатками и зеленым – слишком сложные для его «мозгов» предложения.

Ничего. Все исправимо. Главное, чтобы не ускользнули воспоминания.

Их трудно выстроить по порядку, мысль блуждает среди ассоциаций, одна картинка из запасников «вспышечной памяти» сменяется другой, приходят обрывки стихов, которые писал когда-то:

… *Тетрадь исписанная вкось.*

И на десятке фотографий,

Старший сержант внутренних войск …

К делу не относиться. Может, выброшу позже из текста. Это не просто память, – мы с Ланой связаны много теснее и ближе, чем может показаться даже нам самим. Как уже писал однажды: слишком мы разные, чтобы быть вместе.

Долго не понимал: почему? Почему судьба свела нас? Почему Лана ждала меня из армии, ведь мы не обменивались обещаниями, клятвами – просто ждала и все…

Сейчас мы взрослые. Настолько взрослые, что начинаем забывать, как это было, и многое напоминают тетради с пожелтевшими листами.

Пепел от сигареты падает на клавиатуру, рассыпается серым прахом.

Я помню: стояла летняя жара…

Глава 1

Стояла летняя жара, стекла в машине опущены, теплый ветер овевает лицо, асфальт дороги в рытвинах, я веду медленно, огибая особо глубокие выбоины.

Блочная девятиэтажка приближается, растет, она стоит на взгорке, резко выделяясь среди остальных коробок спального микрорайона.

– Лана, я не могу понять, зачем тебе это нужно? Что вообще твориться в последнее время?

Она посмотрела на меня, с укоризной и вызовом.

– Андрюша, ты можешь не задавать сейчас вопросов? Или для нас двести долларов – запредельная сумма?

– Да не в деньгах дело, милая! – Я был задет за живое. – Он же мошенник!

– У него диплом ЮНЕСКО. – Веско возразила Лана.

– Бред!.. – Я отвлекся от дороги. – Хочешь, сделаю тебе такой же на компьютере?

– Давай не будем усложнять? – В голосе Ланы теперь сквозило неподдельное раздражение.

– Ладно. Усложнять не будем. – Я вздохнул. То же упрямый. Действительно, что означают эти двести долларов на фоне наших отношений? Но мое возмущение, неприятие, первая негативная реакция действительно не имела никакого отношения к деньгам. Я материалист. Мы оба родились в Советском Союзе, прошли трудной дорогой становления нашей семьи, которое пришлось на чудовищные для страны девяностые годы, и я в борьбе за выживание растерял остатки веры в людей. Да, именно так, без преувеличений. И потому сейчас видел перед собой не «учителя», как называла его Лана, а обыкновенного мошенника, пройдоху, который не лечит людей, не обучает их тайнам иных, тонких материй, а…

Я мысленно махнул рукой.

Кстати, относительно заезжего, появляющегося у нас в городе лишь периодически «биоэнергетика», я не ошибся. Но об этом позже. Ошибался я по другому поводу, ибо не знал, даже предполагать не мог, куда заведет меня личная дорога самопознания.

Нет. Стоп. Обо всем по порядку.

– Хорошо, – согласился я. – Ты права, милая, не будем спорить. Хочешь учиться – учись. Но я тоже хочу… Познакомится с твоим

наставником.

Лана посмотрела на меня с подозрением.

Уж не ревность ли?

Нет. Я не ревновал. Все обстояло много хуже. Невежество и гордыня говорили во мне. Но это сейчас, оглядываясь на пройденный путь, я начинаю анализировать, осознавать подоплеку тех или иных поступков, порывов, мыслей, а тогда во мне крепко засело одно желание – развенчать способности этого «биоэнергетика», разбить вдребезги любое его утверждение с помощью логики и нехитрого приема.

С детства, начиная с пяти лет, у меня случаются регулярные приступы сильнейшей головной боли. Ни один врач на протяжении многих лет ни разу не смог поставить внятного диагноза, толком объяснить, что происходит со мной во время подобных приступов? Ни томография, ни снимки черепа ничего не сказали.

– Зачем тебе встречаться с ним? – Задала закономерный вопрос Лана. – Не доверяешь? – В ее голосе по-прежнему звучали обида и вызов.

– Успокойся милая. Если он так хорош, пусть определит причину моих приступов. Только не говори ему ничего заранее. Он ведь должен сам сообщить мне, что именно не в порядке в организме, верно?

Лана некоторое время молчала.

Я переключил передачу. Машина медленно ползла по крутому подъему дороги.

– Хорошо. Я спрошу Анатолия Викторовича. Думаю, он тебя примет. Только без провокаций, ладно?

Я кивнул.

Трудно изменять жизнь. Особенно когда перемены долго *вкрадываются* , а потом вдруг начинают проявлять себя, но, задумываясь, понимаешь – нет, не вдруг. Просто в рассудке всегда существует определенная точка отсчета, с которой собственно и начинается осознание происходящего, когда внутренний голос начинает упрямо нашептывать: *что-то не так* …

– И все же зачем тебе это? Должна же быть цель… – Предпринял я последнюю попытку найти разумное объяснение внезапному увлечению Ланы

– Не знаю. Не цель, Андрюша. – Она подбирала слова, чтобы высказать трудно объяснимое. Я притормозил у подъезда, заглушил двигатель, чтобы не перегревался на жаре. – Это потребность. Моя внутренняя потребность, понимаешь?

– Понимаю. Извини, больше не буду. Просто я не верю.

– Я знаю.

– Все милая. Забыли. Иди, а то опоздаешь.

* * *

Лана засыпала.

Зыбкая грань между сном и явью в последнее время растягивалась, уснуть как раньше – крепко и быстро не удавалось.

Одолевали мысли.

Она понимала: что-то происходит с ней или вокруг нее. Интуитивное чувство не несло конкретной информации, лишь порождало дискомфортное состояние тревожного ожидания *событий* .

Мрак. Ровное дыхание мужа.

Тишина в квартире.

Лана не засыпала, ее сознание незаметно начало проникать в некое иное пространство, но она не чувствовала этого, полагая, что лежит не в силах уснуть…

…

Поначалу все действительно походило на сон.

Кружилась голова.

От страха и безмерного восторга все сжималось внутри, мысли то начинали путаться, то прояснялись до кристальной, восторженной ясности.

Такое состояние не назовешь, не определишь термином, не опишешь в словах, его можно только почувствовать, пережить.

Свободный, бестелесный полет через пространство, где нет звезд, а властвуют энергии.

Зрение не исчезает, но переходит на иной порог восприятия, когда начинаешь осознавать, *что именно* окружает тебя.

Жутковато, жутковато и прекрасно. Дрожь уже не ползет по телу, щекотливый холодок теперь субъективное, фантомное ощущение, ибо тела физического нет, оно осталось… далеко. Спит.

Многие явления воспринимались интуитивно. В рассудке путались, не находя четкой взаимосвязи, обрывочные данные из десятков прочитанных книг, посвященных вопросам эзотерики.

Да, она искала. Искала хоть какое-то правдоподобное, либо рациональное объяснение происходящему с ней, этим внезапным, неконтролируемым выходам в *иное*…

Как же найти дорогу, направление, не заплутать в открывшейся Бездне?

Есть ли тут ориентиры? Или полет среди пустоты и бесконечности

лишь иллюзия?

Нет.

Стоило подумать об ориентирах, как разум начал воспринимать энергетику окружающего пространства, а душа вновь сжалась в щемящем предчувствии грядущих событий.

Я не сплю. Нет, я не сплю .

Энергии разных оттенков (значение цветовой гаммы пока оставалось непонятным) окружали ее, не нанося вреда.

Вольно или невольно вспоминались слова нынешнего наставника, утверждавшего, что видит в своей ученице скрытый до поры потенциал, и сарказм Андрея, утверждающего, что всякого рода явления, не относящиеся к реальной физике – это вздор.

Внезапно в поле зрения Ланы попала нечто материальное.

Мираж? Очередная выходка сознания?

Нет… По мере приближения все явственнее очерчивался контур небольшой площадки перед входом в сумеречный тоннель. Взглянув по сторонам, Лана поняла, что подобие скалы, в которой и был проложен проход, в буквальном смысле *висит* без видимой опоры в окружающем пространстве, наполненном слабыми (в неопытном восприятии) эманациями различных энергий.

Картину можно было сравнить лишь с видом астероида, окруженного бездной космического пространства, но проскользнувшая аналогия являлась лишь сравнительным образом, не более.

Лана уже не помышляла о том, что спит. Может быть, в реальном, физическом мире она и уснула, но все открывшееся взгляду не принадлежало тривиальному сновидению.

* * *

Первое впечатление зачастую оказывается наиболее сильным, оно закрепляется в сознании, ассоциируясь с определенным образом, даже в том случае, если более позднее, подробное рассмотрение выявляет новые детали…

Говоря проще, в сознании Ланы данное место надолго получило название «тоннель», хотя со временем стало ясно, что проход в скале лишь малая часть внушительного по размерам…

Нет, осознание происходило постепенно, а сейчас, опустившись до уровня площадки, она увидела именно устье тоннеля, окруженного скалами, которые при взгляде вверх сливались с чернотой Бездны, вновь утратившей многоцветье полнящих ее энергий.

Было тихо, сумеречно, немного жутковато, – именно такими ощущениями наполнилось первое свидание с загадочным местом.

Площадка, на которой стояла Лана, оказалась огромной по размерам. Приближаясь, она действительно видела проход в скалах, но сейчас, оглядевшись по сторонам, внезапно поняла, что не знает в каком направлении идти.

Секундная нерешительность выявила еще одно странное явление.

Свет. Слабый рассеянный свет озарял небольшой участок скалы и каменистой тверди под ногами; поначалу Лана решила, что сияние исходит со стороны виденного ею устья тоннеля, но оказалось что это не так – слабый свет исходил от нее самой!..

Поборов нерешительность, движимая любопытством, которое оказалось сильнее справедливых опасений, она пошла вдоль скал, в надежде отыскать проход.

…

Устье тоннеля открылось внезапно: за очередным выступом скал высилось нечто, напоминающее вход в бункер, правильные геометрические формы явно свидетельствовали, что сам проход и обрамляющие его скалы прошли обработку, оставалось непонятно, кто создал тоннель, и какой инструмент при этом использовался?

Лана подошла к входу. Исходящее от нее слабое сияние позволило рассмотреть, что расположено внутри.

При внимательном рассмотрении постройка оказалась массивной, сложенной из плотно пригнанных друг к другу, шероховатых каменных блоков.

Сразу за входом (который когда-то перекрывался каменной плитой) начиналась уводящая вверх, сумеречная, загадочная лестница. Ее ступени выглядели необычно, каждая представляла собой длинную площадку, нужно было сделать несколько шагов, чтобы дойти до очередного подъема, к тому же площадки-ступени имели вид трапеций и таким образом «лестница» совершала плавный поворот, по мере подъема…

* * *

Вздрогнув, Лана открыла глаза.

Утро… Раннее утро: с улицы доносились соловьиные трели, значит приблизительно часов пять…

Она встала, босые ноги коснулись пола, оглянувшись, убедилась, что Андрей крепко спит, и, стараясь не шуметь, спустилась на первый этаж квартиры в столовую.

Крепкий кофе постепенно прояснил мысли, изгнал остатки сонной одури, но все пережитое *во сне* отнюдь не поблекло, не утратило деталей, наоборот, каждый образ, каждое действие казалось впечатанным в память и забыть какую-то деталь из всего увиденного уже невозможно.

Лана прикурила, чувствуя, как мелко дрожат кончики пальцев. Все тело ломило, словно она только что занималась тяжелыми физическими упражнениями. Довольно странное, необычное состояние, учитывая, что ты только проснулся.

Кофе остывал. Сигарета тлела меж пальцев, но Лана не замечала этого: погрузившись в глубокую задумчивость, она старалась понять, насколько важны произошедшие с ней события?

Для ясного вразумительного ответа явно не хватало информации, но яркость впечатлений, вкупе со странным физическим состоянием настораживала, отгоняла саму возможность списать происходящее на странный, необъяснимый сон и успокоиться на этом…

Наверху раздались осторожные шаги, но Лана продолжала сидеть в глубокой задумчивости.

* * *

Эта ночь запомнилась мне надолго. Конечно, позже я получал и более яркие впечатление, но данное событие явилось первым в длинной цепи неординарных происшествий, к которым, как выяснилось, моя психика была практически не готова.

Несмотря на богатое воображение, я редко вижу яркие, запоминающиеся до мельчайших деталей сны. Никогда, сколько себя помню, не просыпался в холодном поту от кошмаров, но видно все когда-то случается с человеком впервые.

…Я увидел смерч.

Что удивительно – вокруг не присутствовало никакого рельефа, будто я стоял в воздухе, но, вопреки зрительному восприятию, ощущал под ногами твердь!..

Смерч выглядел как мутное уплотнение воздуха, он вращался стремительно, но я не чувствовал ни малейшего дуновения ветерка.

Когда раздался голос я, честно говоря, вздрогнул всем телом, почувствовав это даже сквозь сон.

Мне был задан единственный вопрос, походивший на раскат грома, в котором лишь отдаленно угадывался смысл искаженных слов:

– *Она действительно хочет получить знания?*

Как ни странно я сразу понял о ком идет речь. Меня спрашивали о

Лане, и причиной вопроса, очевидно, являлись ее занятия…

Я ответил, практически не задумываясь, потому что знал, если Лана ставит перед собой определенную цель, то обязательно добивается ее.

– Да.

Мой односложный ответ, похоже, вполне удовлетворил непонятную силу, – смерч исчез так же внезапно, как и появился, только вот я остался стоять в полной неопределенности, среди безликого пространства, ноги по-прежнему ощущали твердь, но взгляд терялся, не находя видимой опоры: куда ни глянь всюду полупрозрачная пелена, словно меня окружал туман или дымка, из которой вдруг стало *выдавливать* небольшие (где-то около полуметра ростом) фигурки.

Присмотревшись, я понял, что вокруг меня, кривляясь, прыгают странные, отвратительные существа, похожие на маленьких бесов. Не знаю откуда возникли эти образы, возможно, сработала подсознательная память, в детстве я конечно читал сказки и видел иллюстрации к ним, но в данном случае маленькие существа выглядели *абсолютно реальными* . Я не испугался, – все происходило очень быстро, и любая реакция просто запаздывала; существа взяли меня в плотное кольцо, одно из них даже попыталось укусить за ногу, при этом, не прекращая кривляться, они выкрикивали одну и ту же фразу, будто передразнивая громоподобный голос:

– Она хочет? Она действительно хочет?

Мое терпение лопнуло. Даже во сне, оказывается, есть предел естественному конформизму: если смерч я воспринял с удивлением, то эти создания вызывали у меня чувство стойкого отвращения, неприязни, их кривляние казалось несносным, а попытка одного укусить меня за ногу, наконец, пробудила ответную реакцию: я начал пинать их, расшвыривая в стороны…

Секундой позже я проснулся.

Широко открыв глаза, я лежал, и реальность медленно возвращалась в рассудок вместе с ощущением ледяных капель пота, утреннего света, пробивающегося сквозь неплотно закрытые жалюзи, и доносящихся с улицы, из зарослей посаженного нами несколько лет назад шиповника, соловьиных трелей.

Часов пять утра…

Я машинально протянул руку, коснувшись прохладной простыни. Ланы рядом не было.

Присниться же такое … – я встал, надеясь выкинуть из головы непонятный, дурацкий сон, но… не получилось.

Спустившись в столовую, я увидел Лану: она сидела в глубокой задумчивости, рядом стояла чашка с остывшим кофе, в пепельнице истекала сизым дымком истлевшая до самого фильтра сигарета.

Увидев меня, она почему-то вздрогнула и спросила:

– Что случилось Андрюша? Еще рано. Спал бы…

Я прошел за стойку, сделал себе кофе, и ответил:

– Сон приснился. Какой-то странный…

Лана неожиданного встрепенулась.

– Сон? Расскажи, пожалуйста? – В ее глазах сверкнула требовательная искорка.

– Да чушь всякая сниться. А ты почему не спишь?

Она не ответила на заданный вопрос.

– Андрей, пожалуйста, расскажи. Это… важно.

– Да действительно. – Я поставил кофе, взглянул на Лану и добавил: – Сон касался тебя, милая, но вот я мало что понял. Мне кажется это все бред, несуразица. Можешь представить – какой-то голос спрашивал у меня: действительно ли ты стремишься обрести знания?

Лана побледнела.

Я еще никогда не видел ее такой растерянной.

Готовые сорваться с губ ироничные замечания застряли в пересохшем горле. Мне почему-то расхотелось шутить.

* * *

В тот день я попал на прием к «биоэнергетику».

Было смешно, каюсь. Он заставил меня закрыть глаза, включил спокойную музыку и прямо заявил, что сейчас он меня «загипнотизирует».

Я послушно исполнил его указания и уставился в розоватую темноту.

Через некоторое время, когда на фоне черноты перестали плавать розоватые пятна, мне стало интересно, что он делает? Чуть-чуть, слегка приоткрыв веки, я увидел, как он производит пассы руками, при этом растопыренные пальцы «биоэнергетика» едва не касались моего лица; на миг даже промелькнула мысль: сейчас ему надоест хватать воздух, – как вцепиться мне в голову…

Ладно. Мысль задавил, опять смежил веки, смотрю в темноту, стараюсь даже не думать о нем. Примерно минуту спустя он коснулся рукой моего плеча и произнес:

– Можно открыть глаза.

Я открыл.

– Понимаете, Андрей, такая интересная вещь – вы, оказывается, не поддаетесь гипнозу.

– Да, понимаю. – Я ответил вполне серьезно, без сарказма, – обещал Лане, что не буду высказывать своих мнений.

– А как на счет здоровья? – Поинтересовался я.

Он искоса взглянул на меня, доставая кассету из магнитофона.

– Вы абсолютно здоровы. – Он протянул мне кассету и добавил: – Я зарядил эту пленку положительной энергией, если вы вдруг когда-нибудь почувствуете недомогание – просто включите музыку, все как рукой снимет.

Я поблагодарил, взял кассету и вышел.

Лана ждала меня в коридоре съемной квартиры, оборудованном под «приемную».

– Подождешь меня? – Она почему-то не спросила о результатах сеанса.

– Конечно, милая.

…

Сидя в машине на жаре, я, не зная чем занять себя, наблюдал за людьми, что изредка входили в подъезд или выходили из него. Пишу подробно, потому что одно примечательное событие все-таки произошло. Откуда-то со стороны спального микрорайона к одиноко стоящей новостройке прибежал огромный, черный как смоль пес. Я, честно говоря, недолюбливаю собак, особенно больших, которые «гуляют сами по себе». Никогда не знаешь что на уме у такой псины, величиной с новорожденного теленка.

Квартира, которую снимал на время своего приезда в наш город «биоэнергетик», располагалась на первом этаже. Плотно зашторенное окно, расположенное справа от входа в подъезд, как раз принадлежало «кабинету», где в данный момент находилась Лана.

Пес вел себя странно, будто потерял что-то. Несколько раз он вбегал в подъезд, потом пулей вылетал из него, смотрел на окна, снова нырял в сумерки, затем опять появлялся, жмурясь от яркого солнечного света. Жара стояла нешуточная, градусов под тридцать, и вскоре из уголков его пасти начала капать пена.

Я забеспокоился. Не за себя, за Лану. Она вот-вот должна была выйти, а тут этот огромный пес, явно перегревшийся на солнцепеке…

Пока я решал, что следует предпринять, пес внезапно сел на асфальт, повернувшись мордой к зашторенному окну, и вдруг дико, протяжно взвыл.

Честно говоря, я оторопел, даже морозом продрало по коже, а он, внезапно оборвал на полуноте свой страшный вой, и, поджимая хвост, потрусил прочь.

Я еще не успел придти в себя от этого зрелища, как из подъезда появилась Лана.

Сев в машину, она посмотрела на меня и торжественно произнесла:

– Милый, минуту назад я прошла «посвящение». Все. – Она гордо протянула мне корочки, со знакомой печатью «Юнеско».

Минуту назад …

Минуту назад огромный пес сидел на горячем асфальте и дико выл, глядя на окно, за которым Лана проходила то самое «посвящение».

Я воздержался от вопросов и комментариев, решив, что лучше расскажу обо всем позже.

– Поздравляю, милая. – Это не являлось дежурной фразой, я говорил искренне, потому что чувствовал, по крайней мере, на протяжении последних недель – ее учеба не прихоть, а осознанная необходимость. Что-то происходило, вот только я пока не понимал что именно?

Глава 2

День прошел как обычно.

Близился вечер и вместе с неумолимым движением часовой стрелки, в душе Ланы росло беспокойство.

Она страшилась и одновременно ждала той минуты, когда коснется подушки и уснет. Страшилась, что все обернется тщетой, пустым надуманным сном, и ей не суждено больше попасть туда, на огромную сумеречную площадку, с трех сторон обрамленную скалами.

Как назло, Андрей подлил масла в огонь со своими рассуждениями.

Сын гулял, погода стояла теплая, вечер подкрался мягко, словно котенок, тихо бормотал телевизор, муж, возившийся на улице с машиной (что-то менял, не то масло, не то фильтры) вернулся, и, войдя в столовую, вдруг произнес, возвращаясь к теме утренних событий:

– Кстати, твой «учитель» ни фига меня не загипнотизировал. И вообще заявил, что я здоров.

Лана не ответила, хотя в душе всколыхнулось иррациональное возмущение. Да знала она, знала, что ничего не стоит эта бумажка с липовой печатью, и процесс обучения походил на краткий курс бахвальства, вперемешку с лестными замечаниями в адрес личных способностей Ланы: ты почитай вот такую книжку, такую, и постепенно у тебя отроется ДАР, потом придешь ко мне в Калининград, там собираются такие люди…

Короче, сейшен. Или шабаш…

Андрей все что-то говорил, но Лана почти не слышала его, погрузившись в собственные мысли, пока слух не резанула фраза:

– …ну и чему он мог тебя научить, если заявил мне…

– Андрей, замолчи!..

Лана произнесла это требовательно, ледяным не терпящим возражений тоном. Внутри будто натянулась тонкая упругая струна, готовая вот-вот лопнуть.

– Да, нет, ты не понимаешь. – Андрей вопреки своему покладистому характеру тоже бывал упрям. – Посмотрел я твои книги. Мне тошно стало. Ни логики, ни здравого смысла, одно утверждение противоречит другому… Ну, что за примеры там приводятся? Лошади, телеги, одно не поедет без другого, разве так можно? И этим они пытаются объяснить физические свойства разных «кармических оболочек», которые, кстати, не

регистрируются ни одним прибором, – да чушь все это!..

Короче его понесло.

На самом деле говорил *почти* правильно. Но больно. И не вовремя.

Он не понимал сути происходящего, и Лана чувствовала, что при таком откровенном сарказме она ничего не сумеет объяснить мужу, хотя могла ответить: мне нужна была точка опоры, толчок, пусть в этих книгах на девяносто девять процентов изложен личный бред того или иного автора, но не бывает дыма без огня, значит, и они что-то чувствовали, искали…

Жуткое состояние души. Ощущение полнейшего одиночества, неопределенности, когда данность вдруг утрачивает смысл, кажется все… жизнь заканчивается здесь и сейчас, и не из-за пустяка, не в силу неосторожно обидевшего слова, а потому что душа вдруг начинает рваться на клочки, понимая: весь мир против тебя…

Нет. Она не могла сейчас поделиться с Андреем своими истинными переживаниями. Он не поймет. Не потому что не любит, просто он материалист, ему нужно самому коснуться руками той скалы, чтобы однозначно поверить в ее существование. Лана не могла допустить, чтобы сейчас все окончилось глупым семейным скандалом, поэтому просто сжала ладонями виски и попросила, уже менее резким тоном:

– Прекрати. Давай поговорим об этом позже.

– Ладно…

Похоже, он обиделся. Ушел за компьютер, наверное, сейчас завалит пару монстров в дебильной «стрелялке» и успокоится.

Господи, как трудно одной.

Первые шаги в неизведанное. Первая ступень, пройденная с нечеловеческим надрывом внутри.

Только бы все повторилось, не обернулось тщетой…

Надежда не угасала, она трепетала, как пламя свечи на ветру, согревая растерянную душу…

* * *

Лана засыпала долго и беспокойно.

Отчаяние все ближе подкрадывалось к самому сердцу, казалось, что оно не выдержит и лопнет.

Вместо *нужных мыслей* в голове то и дело всплывали образы далеко не безоблачного детства, проведенного в деревне, на берегу озера…

Наконец пришел сон, а вместе с ним… чернота.

Вязкая тьма, прикосновение которой воспринималось, словно

касание липкого, разогретого на солнце гудрона.

Лана попыталась вырваться, и тьма поддалась неистовому напору: сопротивление вдруг начало слабеть и… она оказалась на той самой площадке!

…

Чувства переполняли ее, били через край, трудно описать, что творилось в душе, когда она *во второй раз* увидела уже знакомые очертания массивного, сложенного из грубо обработанных каменных блоков входа в тоннель.

Подтверждение…

Прошлой ночью она была здесь. Лана не помнила, почему и в какой момент ее выкинуло из этой реальности, но вот она вернулась, теперь уже с особой ясностью осознавая, что это не сон.

Пусть спит тело, но разум, душа… они прошли через непонятное сопротивление, и сейчас, видимо, существуют отдельно от телесной оболочки.

Господи, сколького она не знала в ту пору… Множество опасностей подстерегало неопытного исследователя на рискованном пути, где по определению не бывает проверенных, торных троп… стоило сделать один неверный шаг и он окажется роковым, но порой неведение – лучшая защита от неприятностей.

Лана подсознательно чувствовала, что нужно быть крайне осторожной, но в данный момент ее переполнял щемящий восторг: главное – она вернулась, сумела каким-то образом переместиться сюда, а значит…

Значит, я сегодня узнаю, куда ведет загадочная лестница . – С такой мыслью Лана шагнула в плотный сумрак, освещенный лишь слабым сиянием, исходящим от ее фигуры.

Для себя она решила: буду идти, сколько смогу, считая ступеньки, запоминая повороты.

…

Подъем по лестнице поначалу принес некоторое разочарование. Ступени походили друг на друга как братья близнецы, не происходило ровным счетом ничего особенного, вот только идти оказалось очень трудно, словно Лана поднималась не по пологой лестнице, а карабкалась по отвесным скалам. Ощущения явного сопротивления не было, но усталость, неимоверная усталость начала накатываться волнами бессилия, граничащего с изнеможением, стоило ей преодолеть с десяток ступеней.

Почувствовав, что идти дальше просто нет сил, Лана решила немного передохнуть.

Присев на шероховатый камень ступени, она прислонилась спиной к стене. От камня как ни странно не веяло холодом, скорее наоборот, шероховатая поверхность будто подалась, создавая небольшую, удобную выемку, давая расслабиться напряженным мышцам, но усталость, одолевавшая ее, не исчезла, наоборот, стоило присесть в удобной позе, как тут же начали слипаться глаза.

Сон во сне… Как это странно…

С такой мыслью сознание начало мекнуть и вдруг…

…Шум улицы, гомон толпы, яркий полуденный свет солнца, запахи, – все пришло разом в одно мгновенье, будто сознание перескочило на иной уровень восприятия, оказавшись в незнакомом месте, посреди людской суеты…

Незнакомом?

Лана огляделась, и вдруг у нее перехватило дыхание: она увидела высокие крепостные стены, зубчатые башни, развевающиеся над ними вымпелы… прошло всего лишь мгновенье, но удивленное и одновременно болезненное, щемящее душу *узнавание* отхлынуло, как волна морского прибоя, мысли Ланы поблекли, выцвели, а на первый план в сознании вдруг выступили ощущения маленькой девочки.

Я…

Это я… Рассудок все еще жадно впитывал новую данность, она действительно ощущала себя пятилетней девочкой, но все вокруг стало обретать родные, знакомые черты, даже резкие запахи уже не тревожили обоняние, однако…

Окружающее не имело ничего общего с деревней на берегу озера.

Другая данность, другое детство… но ведь ЭТО Я!..

Лана ошиблась только в одном – стоял не полдень, а позднее утро.

– Вильгельмина! Долго я буду ждать тебя? – Знакомый голос брата заставил вздрогнуть пятилетнюю девочку. – Ты что так смотришь на крепость, словно в первый раз ее видишь?

Она медленно обернулась.

Доброе солнечное утро. У подножия крепостных стен, опоясывавших небольшой городок с кривыми улочками, раскинулся шумный рынок. Множество людей приходили к стенам города из окрестных деревень, сюда вели скот, привозили продукты, иногда заезжие купцы раскидывали свои шатры, удивляя горожан диковинными товарами.

Чтобы попасть на рынок нужно пройти по мощеной дороге, имеющий уклон, от крепостной стены, по скату холма, до вытоптанной площади неправильной формы, где испокон века каждый день шла бойкая

торговля или обмен товарами. Здесь же обосновались и многие ремесленники. Раньше их лавки располагались в самом городе, но теперь там остались только мастерские, торговали готовыми изделиями вне городских стен.

Самуэль. Брат. Он стоял у лавки оружейника, и Вильгельмина, нимало не смутившись его окриком и своим непонятным замешательством, бегом бросилась к нему – высокому (не смотря на восемнадцать лет), статному *воину* , от облика которого веяло уверенностью, осознанием собственной силы и положения, но ни во взгляде, ни в манерах Самуэля не ощущалось надменности.

Протиснувшись к брату Вильгельмина оказалась перед прилавком, на котором были разложены доспехи и оружие. Кузнец, этим утром лично занимавший место продавца, почтительно поклонился, взглядом спрашивая у Самуэля, могут ли они продолжить прерванный разговор.

– Хорошие у тебя клинки. – Самуэль взял в руки огромный двуручный меч, прикидывая его вес, и добавил: – Вот легковат только. Не будет хорошей силы в ударе.

– Господин, – кузнец обернулся, достав из сумрака палатки заготовку для двуручного меча, – я могу отковать любой клинок. Попробуйте вот эту заготовку.

Пока Самуэль разговаривал с кузнецом, Вильгельмина с детским любопытством и непосредственностью оглядывалась по сторонам, смотрела на людей, товары, ей все было интересно, особенно здесь, среди скопления народа, так резко отличающегося от нее самой и брата по своим манерам, одежде… Очевидно она росла под строгим присмотром, получая воспитание определенных правил, иначе не испытывала бы такого интереса к кипучей жизни своеобразного палаточного городка, где повсюду шла бойкая торговля.

Улучив момент, когда Самуэль занялся придирчивым осмотром очередной железки (видно оружие не интересовало девочку в той мере как брата), Вильгельмина рискнула ослушаться его строгого указания: быть рядом и не отходить ни на шаг.

Она пошла вдоль торговых рядов, удивляясь и немного смущаясь тому, как люди расступаются перед ней, почтительно кланяясь. Она не совсем понимала, почему незнакомые взрослые проявляют к ней столько внимания? Одно дело в замке, где все друг друга знают, и подчиняются установленным правилам, но здесь… Куда ни посмотри – незнакомые лица, откуда же им известно, кто я?

Впрочем, Вильгельмина не долго задавалась этим вопросом. Ее

внимание внезапно привлекла пожилая женщина (почему-то девочка даже в мыслях не смогла назвать ее «старухой»), очень бедно одетая, да и можно ли назвать одеждой прикрывавшие ее тело лохмотья? Несколько секунд Вильгельмина смотрела на нее, с удивлением и жалостью поражаясь худобе иссохших, дрожащих рук, протянутых в немой мольбе о подаянии, затем внимание девочки переключилось на *толпу* , которая текла мимо, словно не замечая мольбы в глазах, позе, дрожащей руке…

Ей стало так жаль старушку, что даже засосало под ложечкой, а в груди прокрался холодок, словно это она сама стояла голодная, бессильная, одряхлевшая, тщетно надеясь на человеческое участие…

Мысли девочки на миг наполнил гнев – почему люди равнодушно проходят мимо?!.. а потом, уже не обращая внимания на окружающее, она бегом бросилась назад к лавке оружейника, где Самуэль продолжал что-то обстоятельно обсуждать с кузнецом.

Ей казалось, что если немедленно не помочь старушке, та просто упадет, лишившись сил от голода… хотя откуда ей, дочери правителя могли быть известны такие понятия как голод, усталость, изнеможение и отчаяние? Наверное, здесь сработала детская интуиция, чувство сострадания обогатило фантазию, заставляя сердце сжиматься и трепетать в груди.

Оказавшись подле Самуэля, она бесцеремонно дернула брата за рукав, привлекая внимание.

– Дай мне монету!

Самуэль в первый момент даже не понял о чем идет речь, столь кратко и категорично было требование сестры, он никогда не видел ее такой, возбужденной, возмущенной и требовательной.

Он удивленно посмотрел на Вильгельмину, но, ничего не спрашивая, достал свой кошелек, где по бархату золотой нитью был вышит замысловатый вензель, и молча достал оттуда большую монету.

– Держи. Что там тебе приглянулось?

Куда там… Вильгельмина, едва почувствовав в своей ладошке вес монеты, бросилась прочь, мгновенно затерявшись средь толпы.

– Договоримся позже. – Самуэль, испытывая естественное беспокойство за сестру, двинулся в том направлении, куда побежала девочка.

Вильгельмина тем временем уже была неподалеку от старушки.

Она еще не разбиралась в деньгах и не имела никакого понятия, сколько дал ей брат, но вес монеты в ладони придавал уверенности, она чувствовала – этого должно хватить, чтобы помочь бедной женщине.

Слова были излишни, она просто подошла к старушке и вложила монету в ее дрожащую ладонь.

В следующую секунду их взгляды встретились.

Взгляд старушки внезапно оказался таким глубоким, ясным, полным кристальной чистоты мысли, что ее дряхлый образ как-то истончился, будто тело принадлежало вовсе не ей, а другому человеку. В этих глазах жила непонятная, непостижимая для пятилетней девочки мудрость, и в то же время они источали доброту и тепло.

– Вильгельмина. – Ее голос так же мало сочетался с обликом, как и взгляд. Девочка вздрогнула, удивившись, – откуда старушке знать ее имя, но та, продолжила, уже торопливо, опасаясь, что не успеет высказаться до конца: средь толпы показалась рослая фигура Самуэля, обеспокоенного исчезновением сестры. – Вильгельмина, слушай внимательно, постарайся запомнить и сделать все, как я тебе велю. – Она вновь метнула взгляд вдоль торговых рядов. – Меня зовут Милинда. Я очень долго искала тебя. Ты сможешь завтра рано утром, придти сюда, на это же место?

Вильгельмина растерялась. Она никогда не выходила из замка одна, тем более в ту пору, когда все еще спят, но от слов Милинды веяло такой таинственностью, что снова сжалось сердце, но теперь уже от предчувствия какой-то тайны, приключения…

Они вновь встретились взглядами и девочка, отпуская руку старушки, ответила:

– Я приду. Обещаю.

Сзади раздались торопливые шаги.

На этот раз Самуэль был разгневан, хотя и старался скрыть свое возмущение. Едва взглянув на старушку, он тут же цепко схватил Вильгельмину за руку и, отведя в сторону начал отчитывать:

– Разве я не говорил тебе, что нельзя общаться с чернью?

– Почему? – Вильгельмина не понимала, за что брат ругает ее, но зато слышала в его голосе явные нотки беспокойства.

– Нищие разносят опасные болезни, разве тебя никто не предупреждал об этом?

– Я всего лишь дала монету бедной женщине. Разве отец не говорил, что сострадание – это добродетель истинного христианина?

Самуэль не сразу нашелся что ответить.

– Все равно, ты не должна была этого делать. Могла бы передать монету через другого человека.

Вильгельмина только пожала плечами.

Что сделано, то сделано. Втайне она была очень довольна тем, что

дала денег бедной женщине, и еще – даже дух захватывало, – у нее появился свой секрет, а завтра, – сердце замерло в груди, – завтра утром она выйдет из замка через тайный проход, который показывал ей отец…

Самуэль продолжал что-то говорить, но Вильгельмина не прислушивалась к словам брата. Все равно он не умел по-настоящему ругаться, и любил ее, так что его гнев скоро пройдет, а сладкое, тревожное и щемящее ожидание *завтрашнего утра* останется, наверное, она даже не сможет уснуть…

* * *

Ступени.

Шероховатые, широкие, манящие…

Лана потеряла счет: сколько раз она появлялась перед входом в тоннель? Каждую ночь, отдаваясь во власть *сновидения* , она проходила определенное количество ступеней. На большее, как ни парадоксально, не хватало сил. Казалось бы, что трудного в подъеме по древней высеченной из камня лестнице?

В реальности – сущий пустяк, но тут…

Каждый шаг, словно подъем на опаснейшую вершину, каждая остановка – смутно брезжащий в пробудившемся сознании образ, воспоминание или очередной, заданный себе вопрос, на который искать и искать ответы.

Одно она понимала с всевозрастающей очевидностью: ее память хранит воспоминания об ином детстве, радикально отличающемся от фактически беспризорной жизни в деревне.

Образы приходили, но каждый раз они оказывались либо обрывочны, либо смутны, и лишь два ярких воспоминания уже не подвергались никакому сомнению: она абсолютно ясно помнила свою первую встречу с Милиндой, и события, произошедшие на следующее утро.

…

Вильгельмина не ошиблась, уснуть ей не удалось, девочка очень боялась проспать, и потому не сомкнула глаз.

Солнце еще не встало, лишь у горизонта брезжило предвещающее восход зарево, когда она, тайком взяв у брата несколько монет, выбралась через известный ей проход за крепостные стены. Относительно денег она не испытывала ни сомнений, ни угрызений совести, детская логика бесхитростна: *у нас много денег* – рассуждала Вильгельмина, которой не однажды приходилось видеть целые сундуки, наполненные золотом, так

что несколько монет для Милинды она считала вправе взять, не спрашивая на это особого разрешения.

Вильгельмина боялась лишь одного: что старушки не окажется в условленном месте, но, спустившись по мощеной камнем дороге, девочка увидела ее, зябко кутающуюся в лохмотья, на краю обезлюдевшей рыночной площади.

Интуитивно Вильгельмина остереглась поднимать шум, окликая Милинду издалека, и только оказавшись рядом, протянула ей припасенные монеты.

– Это тебе. – Прошептала она.

Сердце Вильгельмины замерло. Она ждала *событий* , и не ошиблась в своем предчувствии. Но сначала Милинда, взяв деньги, несколько секунд пристально смотрела на нее, а затем тихо произнесла:

– Я не ошиблась.

– В чем? – По-прежнему шепотом спросила девочка.

Милинда будто не слышала вопроса.

– Я очень долго искала тебя. – Произнесла она, крепко взяв Вильгельмину за руку. – У меня почти закончилось время, но главное, что мы все же встретились. Не пугайся.

Девочка внимательно выслушала старушку. Чего ей пугаться? Единственный вопрос, который она хотела, но не успела задать, едва успел оформиться в мысль: *почему она искала именно меня?* – но он так и остался не высказанным вслух, потому что в следующий миг произошло настоящее *чудо.*

Внезапно, будто по волшебству, они оказались на перекрестке езжих дорог, Вильгельмина оступилась, когда нога соскользнула в выбитую множеством повозок колею, но Милинда удержала ее от падения.

Подняв взгляд, девочка едва не вскрикнула от изумления.

Куда подевалась старушка в лохмотьях? Рядом с ней стояла молодая женщина в небогатых, но чистых, опрятных одеждах, она улыбалась, глядя в изумленные глаза девочки, затем отпустила ее руку и произнесла, вложив в ладонь Вильгельмины принесенные монеты:

– Я не ошиблась в твоей чистой душе, дитя. Верни деньги брату, мне они уже не понадобятся.

Вильгельмина растерялась. Она не понимала, что происходит, взгляд Милинды светился нежностью и печалью, только сейчас девочка заметила, что в руке та сжимает красивую, тускло поблескивающую цепочку с крупными звеньями.

– Возьми. – Милинда протянула цепочку Вильгельмине; девочка, не

в силах ослушаться, взяла ее, почувствовав вес, и хотела что-то спросить, но опять не успела.

– Это не украшение, пусть тебя не обманывает блеск золота. – Предупреждая всякие вопросы, Милинда поднесла палец к губам, и продолжила, стараясь коротко и понятно донести до рассудка Вильгельмины саму суть события:

– У тебя в руках Цепь Знаний. Каждое звено содержит информацию, которая пока недоступна твоему пониманию, но придет время, и все тайны откроются повзрослевшему разуму. Сейчас ты должна спрятать ее, чтобы никто не видел, не позарился на золотую оболочку, в которой заключена *сущность* . Не пытайся понять, до срока, мои слова…

– Милинда, я действительно не понимаю… – Вильгельмина окончательно растерялась. – Что такое *сущность* ? Я никогда не слышала таких странных слов.

– Всему свое время. Главное, что я нашла тебя и передала цепь. Остальное сейчас не важно. Ты все поймешь, когда повзрослеешь. Цепь верно послужит тебе, открывая тайны мироздания. В ней сокрыт опыт не одного поколения исследователей. Храни ее, береги от посторонних глаз, помни нашу встречу, но никому не рассказывай о ней.

Странно, но вопросы, секунду назад буквально переполнявшие рассудок девочки, вдруг исчезли, она успокоилась, доверчиво кивнув, и машинально убрала Цепь Знаний, спрятав ее в складках одежды.

Милинда грустно улыбнулась.

– Мне пора. Не бойся, ты не забудешь ни одного сказанного здесь слова.

В следующее мгновенье ОНА ИСЧЕЗЛА, КАК СОН.

Вильгельмина не успела ни вскрикнуть, ни испугаться, – она стояла, будто окаменев, на перекрестке дорог, крепко сжимая под одеждой Цепь Знаний.

За редколесьем, над зубчатыми башнями городских стен величественно вставало солнце, и утренние лучи, прорываясь сквозь ветви молодых сосен, озаряли фигуру девочки.

* * *

Больше Лана не смогла вспомнить ничего.

Если рассматривать события с точки зрения современных знаний, они казались невероятными, сказочными, но с другой стороны, как можно думать о *сказках,* когда находишься вне мира физического и начинаешь

вспоминать события, которые по многим признакам происходили сотни лет назад?

Что она должна сделать? Усомниться в здравости собственного рассудка?

Нет смысла таить: подобная мысль иногда проскальзывала, и неизвестно чем бы все закончилось…

Ступени. Именно они не давали Лане окончательно усомниться в происходящем. Если всему виной богатое воображение или хуже того – нарушение психики, то она не попадала бы раз за разом в одно и тоже место. Тоннель явно, объективно существовал, вне зависимости от состояния ее рассудка. На данный вывод наводил хотя бы тот факт, что многократные посещения ни разу не изменили его деталей. Никаких искажений, деформаций, – если Лана замечала на стене глубокую царапину, то могла быть уверена, что найдет ее на том же месте, появившись тут и в десятый, и в сотый раз…

Так и происходило. Она уже не могла с точностью сказать, сколько раз приходила сюда, поднимаясь все выше и выше, иногда сбиваясь со счета ступеней, иногда засыпая, совершенно лишившись сил, но приходил новый день, за ним наступала ночь, и Лана вновь возобновляла подъем…

В реальности мира физического она начала делать записи, пытаясь осмыслить происходящее, но поначалу ничего не получалось, материала для определенных выводов по-прежнему не хватало, оставалось лишь надеяться, что лестница не бесконечна, и наступит момент, когда ей откроется что-то новое…

Глава 3

Следующее знаковое событие произошло, когда Лана достигла девяносто седьмой ступени.

Она заметила, что уже пройденные участки подъема с каждым новым посещением даются легче, требуют меньших затрат энергии, но стоило пересечь рубеж предыдущей остановки, как подъем снова начинал изматывать неимоверным напряжением, будто сам воздух уплотнялся, и ей приходилось преодолевать сопротивление незримой, но явно ощущаемой силы.

Ее природа по-прежнему оставалась загадкой.

Девяносто семь … Лана сделала очередной шаг, искренне надеясь, что рубеж круглого числа принесет что-то новое, пока что скрытое за плавным поворотом, и в этот миг к ставшему уже привычным сопротивлению неведомой силы вдруг присоединилось нечто новое, необычное.

Она остановилась.

Из-за поворота, там, где должна располагаться сотая ступень, брезжил слабый свет, но он лишь на мгновенье привлек внимание Ланы, потому что охватившее ее чувство имело совсем иной источник.

Внимательно осмотревшись, она вдруг заметила, как из тонкой щели между каменными блоками медленно *выдавливается* непонятный сгусток энергии.

Еще мгновенье, и он оторвался от стены, приняв конкретную форму.

Сгусток энергии сформировался в шар, размером примерно с футбольный мяч, и одновременно с этим внутри сияния обозначились сотни тонких нитевидных уплотнений, оканчивающихся чем-то вроде… эфемерного энергетического зонтика, как у отцветшего одуванчика…

Она увидела удивительное создание, структуру и форму которого можно передать лишь при помощи известных аналогий. Лана стояла не шелохнувшись, понимая, что сейчас произойдет нечто важное.

Первый из «одуванчиков» повис в воздухе, затем начал осторожно приближаться, паря над лестницей на уровне головы Ланы. Осторожно скосив взгляд в сторону стены, она увидела, как еще четыре подобных создания появляются из тонких щелей между плотно пригнанными каменными блоками, – они *высачивались* оттуда, окружая Лану со всех сторон.

Страх, удивление и восторг смешивались воедино, их синтез порождал неведомые ранее чувства.

Вот первый из них приблизился и коснулся щеки одной из своих энергетических «лапок».

Едва ощутимое, почти нежное прикосновение, в котором тревожной нотой сквозит предчувствие смертельной опасности.

Энергетическое существо – явный страж данного места – осязало ее, скользило едва уловимыми прикосновениями по чертам лица, будто пыталось узнать Лану, либо опровергнуть узнавание, констатировать, что по ступеням сложенной из массивных каменных блоков лестницы поднялся кто-то чужой… и тогда…

От мысли, что может сделать подобное энергетическое существо, в душе должен был стыть ужас, но Лана не испугалась. Максимум, что она испытывала – это удивление и чувство непонятной, щемящей горечи, словно встретилась с чем-то давно, безвозвратно утраченным.

«Одуванчик» окончил осмотр, его прикосновения прекратились.

Что он сделает дальше?

Наступал решающий момент. Если «одуванчики» действительно стражи тоннеля, то сейчас…

Лана не знала, что и думать, стояла, затаив дыхание, и наблюдала, как три «одуванчика» медленно слились с материалом стены, исчезнув в щелях между каменным блоками, а два энергетических создания заняли позиции чуть выше ее плеч.

Могу ли я идти дальше?

Лана понимала, сделанный ей шаг выявит результат неожиданной встречи.

Она шагнула на следующую ступень.

Оба энергетических существа послушно двинулись следом, сохраняя дистанцию.

Они узнали меня… – от мысли внутри все сжалось, будто очередная ступень принесла новое откровение: теперь Лана получила возможность ощущать энергетическую мощь следовавших за ней «одуванчиков», словно в подсознании открылся тайник, содержавший сокровенную информацию, – окажись в тоннеле чужой, они бы уничтожили незваного гостя, пожертвовав при этом собой – таково было их *предназначение.*

* * *

Сотая ступень.

Маленькая площадка, узкая тропинка ведет от нее по изломам

отвесной стены скал, внизу бездна, даже смотреть страшно, не то, что идти…

На противоположной стороне открывшегося взгляду ущелья такая же тропа, только шире, и ведет она не вдоль обрыва, а сворачивает в узкую расселину.

Как добраться туда?

Идти по узкому карнизу, в надежде, что тропа, начинающаяся от площадки, в конечном итоге приведет ее к противоположной стороне ущелья или какому-то искусственно созданному переходу?

Она не была уверена в правильности такого решения. Что-то подсказывало: нужно действовать иначе.

Иначе – это как?

«Одуванчики» парили в полуметре от Ланы, на высоте ее плеч, издавая напряженное потрескивание, словно между отдельными энергетическими нитями существ постоянно били разряды статического электричества.

Мысленно перебирая варианты, Лана пробовала представить, что могло бы помочь ей перебраться на противоположную сторону?

На ум почему-то приходили не совсем обычные технические решения, и вдруг…

Реально сработало воображение, впервые изменив окружающую данность. Лана увидела, как через пропасть натянулась плотная металлическая сетка, шириной около метра, а над ней возник трос, исполняющий роль поручня.

В первый момент потрясение оказалось сильнее, чем все остальные чувства.

Неужели это сделала я?!..

Проверить можно было лишь одним способом, – ступить на созданную конструкцию.

Лана осторожно коснулась рукой туго натянутого троса. Ладонь ощутила фактуру и немой холод металла. Шаг на упругую, слегка вибрирующую сетку заставил сердце биться глухо и часто.

Ничего… Держит! ..

Еще один шаг. Оба энергетических стража «тоннеля» послушно двинулись следом, очевидно, они не усмотрели в действиях Ланы ничего необычного.

Минуту спустя она находилась уже по ту сторону бездонного ущелья.

Тропа уводила вглубь скалы, вливаясь в расселину.

Лана осторожно, стараясь не торопиться, не терять концентрации внимания, ступила в узкий проход. По левую руку в скальной породе оказались вырезаны узкие отверстия, по своей форме напоминающие бойницы. Заглянув в одну из них, Лана ясно различила гладко ошлифованный желоб, по которому к ее немому удивлению были проложены… трубы и изолированные кабели!

После массивной, примитивно обработанной кладки каменных блоков, образующих ступени лестницы и стены тоннеля, она была крайне удивлена, обнаружив *технические коммуникации.*

Еще одно необъяснимое открытие?

Лана не могла себе позволить остановиться и заняться решением еще одной загадки. Сегодняшнее посещение тоннеля внезапно переполнилось событиями, и она, памятуя о многодневном, изнуряющем восхождении, справедливо опасалась, что силы могут покинуть ее в самый неподходящий момент.

Решила не изменять проверенной тактике – идти вперед, покуда хватит сил, попутно запоминая все увиденное.

* * *

Узкая расселина вывела Лану к внушительных размеров площадке, на которой возвышалось *здание* .

Она остановилась, энергетические стражи «тоннеля», следовавшие за ней, так же притормозили свой полет, и парили в воздухе, соблюдая некоторую дистанцию.

Постройка выглядела необычно. Сводчатое куполообразное здание метров десяти в высоту, имело три кольцевых ряда окон. Никаких аналогий ни с современной, ни с древней архитектурой... Если вход в «тоннель» и ступени лестницы отражали вполне понятную функциональность, то данное строение не поддавалось мгновенной ассоциативной оценке.

Следовало попасть внутрь, осмотреть помещения, но над входом и внешней частью купола парили уже не единицы, а десятки «одуванчиков». Лана слегка повернула голову, посмотрев на следовавших за ней немых стражей. Могут ли энергетические создания обмениваться информацией?

Сейчас проверю .

Она интуитивно чувствовала, что начинаются рискованные опыты, но могла ли Лана остановиться, повернуть назад?

Конечно, нет.

Перед ней шаг за шагом приоткрывалась вуаль неведомого, она открывала для себя совершенно новый для понимания мир, и, что

немаловажно: каждый шаг теперь давался без надрывных усилий, словно неведомая сила, сопротивлявшаяся ее продвижению в тоннеле, свернула противодействие.

Шагнув вперед, по направлению входа в здание, она неотрывно следила за энергетическими стражами, что парили над куполом, но ни один из них даже не шелохнулся.

В сознании принимал особую остроту появившийся еще в тоннеле вопрос: почему они пропустили меня, приняли, не попытались остановить?

Осторожно приближаясь к входу, Лана прислушивалась к своим чувствам.

Оказывается, они изменились, она даже могла с уверенностью определить момент, когда в душе произошла внезапная трансформация: ореол таинственности незаметно поблек, все изменилось сразу после прикосновений энергетического стража «тоннеля», словно сканирование пробудило в ней дремавшие до поры ощущения.

Вспомнив, с какой непринужденностью она создала переход через ущелье, Лана поняла, что совершила *машинальное* действие.

Выходит мое сознание хранит *привычку* к подобным манипуляциям?

Мысль явно выходила за рамки ее реального жизненного опыта, но в душе уже был пройден некий Рубикон, она больше не могла всецело доверять памяти прожитых лет, – Лана уже вкусила *иных воспоминаний,* да и чувства действительно изменились, под тонким слоем настороженности внезапно дала знать о себе еще не понятая, но резкая печаль, похожая на приступ ностальгии…

…

Внутри постройки на пол ложился сложный рисунок: свет, проникая через три яруса окон, создавал причудливый узор, мягкие переходы темных и светлых пятен не складывались в *изображение,* они казались фрагментами размытой, нечеткой мозаики.

Лана подняла взгляд.

Осматривая здание снаружи, она ожидала встретить как минимум три этажа по количеству ярусов, в которых располагались окна, но на поверку постройка оказалась не только пустотелой, но и лишенной какой-либо меблировки, лишь в центре куполообразного свода она сумела разглядеть непонятный механизм, напоминающий плотно закрытый бутон фантастического цветка.

Интересно, что это такое? – Подумалось ей, и тут же, раздался резкий, ноющий звук, странный механизм мгновенно активировался, будто отреагировав на мысль: «бутон» начал вращаться, затем подался вниз,

обнажая тусклые жгуты сервоприводов, оплетающих центральную опору, одновременно лепестки начали раскрываться, внутри появился еще один стержень, удерживающий шар, от которого исходило постепенно разгорающееся желтоватое сияние.

Лана пошатнулась.

Металлические лепестки вращались все быстрее, одновременно продолжая движение вниз, на удлиняющейся опоре, пока их внешняя поверхность не поймала свет от верхнего яруса окон и…

Все закружилось перед глазами, сотни световых зайчиков неслись по стенам, сливаясь сначала в росчерки, затем в полосы, на это было больно смотреть, словно по внутреннему периметру зала вдруг началось накопление энергии…

Нет, господи, только не сейчас… Я не выдержу… – Паническая мысль, промелькнувшая в сознании Ланы, подействовала, как выключатель процесса, – механизм резко замедлил вращение и начал складываться в прежнее положение, но она уже едва осознавала происходящее: внезапное, резкое изменение окружающих ее энергий вызвало сначала короткий прилив сил, а затем непомерную, граничащую с обмороком слабость.

…

Лана открыла глаза.

Все тело ломило, мышцы опять напряжены, едва ли не до судорожного сокращения.

Несколько минут понадобилось ей, чтобы хотя бы немного придти в себя расслабиться, почувствовать, что воздух снова проникает в легкие…

Почему-то хотелось плакать.

Я не смогу… Не справлюсь…

Гнать прочь эти мысли.

Она встала. Кружилась голова. За окнами бушевала непогода, косой дождь хлестал по стеклам, протяжно, заунывно выл ветер, изредка громыхая плохо закрепленным листом жести на крыше.

Лана прошла в ванную комнату, умылась, взглянула на себя в зеркало.

Регулярные посещения «тоннеля» давали знать о себе, брали беспощадную мзду: лицо похудело, осунулось, под глазами обозначились припухлости.

Нужно хотя бы раз нормально, по-человечески выспаться , – промелькнула мысль.

Беда в том, что теперь Лана уже не знала, как это сделать.

Три часа ночи.

Снова кофе, и тетрадь, исписанная уже до середины. Нужно зафиксировать события, пока они свежи в памяти.

Твердо Лана знала лишь одно, – этот путь теперь придется пройти до конца. Жить, как раньше, она уже не сможет…

* * *

Трудно, неимоверно трудно *одной* .

Лана очень хотела бы поделиться происходящим с мужем, но каждый раз останавливала себя.

Что я скажу Андрею? Как объясню необъяснимое?

Конечно, он не фыркнет, не отмахнется, не скажет: «ты спятила» и точка. Но Лана все равно боялась, что одно неправильно сформулированное слово, мысль, описание, уведет на ложный путь, в тупик бессмысленных споров и разочарований, да и попытка разобраться с необычными явлениями, используя традиционное, сугубо материалистическое мировоззрение (Андрей мыслил именно так) может нечаянно надломить ее хрупкую, едва дающую первые ростки веру в то, что все происходящее, в принципе, может иметь логическое объяснение.

Мало, все еще катастрофически мало информации.

Нет, как бы не хотелось ей получить поддержку, поделиться с Андреем информацией о происходящем, она так и не решилась на подобный шаг.

Не сейчас. Позже. Когда я смогу прояснить хоть что-то …

Напряжение. Крайнее, запредельное напряжение сил изматывало ее. Днем нужно было возвращаться в неизбежную данность будней, не показывать как тебе тяжело, не давать повода для вопросов, на которые пока не готова дать ответ, а ночью…

Ночью ее ждал «тоннель».

Теперь энергетические существа встречали ее, и занимали неизменную позицию, чуть сзади и выше плеч, следуя по пятам, неотступно, как тени.

Лану поначалу настораживало такое поведение, но потом она свыклась, что-то подсказывало: они не конвой, не соглядатаи, а верные, молчаливые стражи, готовые в любой момент исполнить свое предназначение, – оградить ее от любого вида посягательств, даже если при этом кому из них придется пожертвовать собой.

Уверенность шла из непознанных глубин подсознания, она являлась скорее чувством, нежели обоснованной мыслью.

Пока что приходилось мириться с подобной трактовкой, многое

принимать, как данность, в надежде, что вскоре всем явлениям найдется свое объяснение.

Время от времени Лана вспоминала о Милинде.

Где сейчас Цепь Знаний?

Болезненный и безответный вопрос. Именно болезненный, потому что мысли об утраченной сущности причиняли душевную боль, истоков которой Лана пока не могла осознать.

* * *

В очередной раз появившись в «тоннеле», Лана вновь добралась до куполообразного здания, но не стала входить внутрь, а обошла его по периметру.

Сзади, за постройкой она увидела еще одну высеченную в камне лестницу, которая на этот раз уводила не вверх, а вниз, в недра скального массива.

Ступени обнаруженного спуска были высечены непосредственно в скале, они вели вдоль узкой, изламывающейся под острыми углами расселине, теряясь в плотном мраке.

«Одуванчики», неотступно следовавшие за Ланой, давали, кроме всего прочего, дополнительный источник освещения, и теперь она, не напрягаясь, могла видеть, куда ставит ногу…

Спуск продолжался недолго, – за третьим поворотом лестница оканчивалась обширной площадкой.

Неужели тупик?

Лана пошла вдоль периметра похожего на колодец пространства, осматривая стены, пока не обнаружила мощную, отполированную гранитную плиту, перекрывавшую вход в какое-то помещение, либо очередной тоннель.

Ни ручки, ни замков, ни каких-либо управляющих элементов.

Лана подошла вплотную к плите и стала осторожно водить пальцами по ее поверхности. На мгновенье возникло странное чувство, будто она уже когда-то была здесь…

Внезапный, протяжный скрежет, похожий на грохот обвала, заставил ее вздрогнуть, инстинктивно подавшись назад.

Гранитная плита двигалась, медленно с надрывным трением камня о камень, уползая вбок, открывая темный проход.

Ощущение «дежа вю» усилилось, появилось беспокойство, но его источник по-прежнему не проявлял себя, прячась в неведомых глубинах подсознания.

Плита, наконец, остановилась. Проход был открыт.

Лана осторожно шагнула вперед. Вязкая тьма расступилась перед ней, открывая взгляду гладкие гранитные стены вертикального колодца и широкие ступени винтовой лестницы.

«Одуванчики» не проявляли беспокойства, и это обнадеживало.

Считать ступени уже вошло в привычку. Лана спускалась медленно, стараясь тщательно осматривать стены, чтобы не пропустить ни одной детали, но спуск проходил без каких-либо происшествий, и вскоре винтовая лестница вывела ее к новой, но уже небольшой площадке, от которой вглубь скалы вел короткий тоннель.

Она сразу заметила две двери, расположенные в закругляющейся стене (винтовой спуск продолжался и дальше), а вот третья дверь, находившаяся в тупике короткого тоннеля, обнаружилась несколько позже, когда Лана решила пройти по ответвляющемуся коридору.

Почему-то именно эта дверь заинтересовала ее, но, подойдя ближе, она вновь обнаружила, что на гладкой поверхности нет даже намека на отпирающий механизм.

На этот раз не помогли ни прикосновения, ни тщательные поиски – дверь оставалась закрытой.

Ланой постепенно начало овладевать раздражение. Она очень быстро уставала от тщетных поисков, и дело было вовсе не в характере: когда нужно, ей хватало и терпения, и спокойствия, но тут… раздражение все усиливалось, пока не перешло во вспышку внутреннего негодования, словно дверь *была обязана открыться.*

Да что же это такое, куда не зайди, везде все заперто!.. – Гневная мысль промелькнула в рассудке, словно Лану в тот момент подменили, и она на мгновенье стала кем-то другим…

В следующий миг она испытала шок.

Из темноты внезапно и беззвучно появилась фигура карлика, закутанного в мешковатый балахон, с глубоким капюшоном, из-под которого сверкали два похожих на тлеющие угольки глаза. Рост существа не превышал пятидесяти сантиметров.

Лана не успела придти в себя от удивления, как карлик коснулся запертой двери и… исчез, словно слился с гладкой поверхностью.

Запирающая проход плита рывками начала сдвигаться вбок.

Со стороны лестничной площадки донесся характерный, уже знакомый звук: по всей вероятности отпирались два других прохода.

Войдя в тесное помещение, Лана поняла, что попала в подобие небольшой кладовки. Вдоль стен были закреплены стеллажи, на них лежал

толстый, мохнатый слой пыли, который пришлось сдувать, чтобы рассмотреть содержимое полок.

По правую руку оказались разложены непонятные кованые изделия, назначение которых совершенно не угадывалось в конструкции. Трудно было даже представить, для каких целей они могли служить?

Слева Лана нашла две книги: настоящие фолианты в отделанных металлом, тяжеленных переплетах.

Раскрыв одну из них она увидела хрупкие, пожелтевшие страницы, покрытые четкими письменами, выполненными каллиграфическим почерком, но, увы, язык записей оказался совершенно незнакомым, хотя буквы напоминали знаки латинского алфавита…

Аккуратно переворачивая страницы, Лана внезапно обнаружила несколько вложенных в книгу листов, они оказались исписаны от руки, неразборчивым почерком, с пометками на полях.

Нет, она определенно не знала этого языка. Сколько ни вглядывайся в строки, сочетания букв складывались в совершенно непонятные слова…

Лана аккуратно закрыла древнюю книгу. Листать ее было рискованно, хотя бы в том плане, что страницы могли просто рассыпаться в руках.

Ее взгляд теперь скользил по верхним полкам трехъярусных стеллажей.

Какие-то колбы… затем несколько открытых емкостей из толстого мутного стекла, а за ними, в самом углу…

Сердце внезапно глухо стукнуло в груди.

Два предмета, расположенные рядом, приковали внимание Ланы. За пустыми колбами лежал хрустальный шар без подставки, размером с футбольный мяч, рядом располагалось показавшееся смутно знакомым приспособление, похожее на компас, с дополнительными устройствами в виде дуг…

Лана шагнула вперед, чтобы иметь возможность дотянуться до хрустального шара, свет упал на заднюю стену помещения, которую до этого окутывал сумрак.

Легкий возглас изумления сорвался с губ, когда она, потянувшись к шару, увидела, *что именно* висит на стене.

Платье.

Мое платье…

Губы Ланы дрогнули. Такого совпадения попросту не могло быть!.. Платье, которое она купила месяц назад…

Хотя, нет… Присмотревшись, она поняла: платье очень похоже, но

все-таки отличается деталями отделки, фактурой ткани, да и выглядит оно таким же древним, как все окружающие ее предметы.

Что же происходит?.. Она отступила на шаг, чувствуя, как отчаянно кружиться голова, мысли вдруг начали путаться, еще немного и ее, обессиленную, выкинет назад, в физическую реальность.

Нет. Не сейчас …

Неимоверным усилием воли она постаралась сосредоточиться, вернуть своим мыслям ясность и последовательность.

Немного полегчало. Придерживаясь рукой за край пыльного стеллажа, Лана вышла из тесной кладовки, словно там ей не хватало воздуха.

Совпадение? .. – Мысли вновь и вновь возвращались к увиденному платью. – *Нет, вряд ли… Скорее я путаю причину со следствием* : *в момент совершения покупки, там, в реальном мире, могло включиться подсознание. Я приобрела вещь, не понимая, почему сделала определенный выбор. Но, в таком случае, это древнее платье тоже когда-то принадлежало мне?!*

Дышать. Не поддаваться слабости .

Хорошо, пусть так, – продолжала мысленно рассуждать она. – *Хрустальный шар вызвал у меня ответные чувства. Смутно знакомое устройство, которое пылится рядом с ним, то же показалось знакомым. И, наконец, платье… которое перечеркивало саму мысль о каких-то совпадениях. В таком случае возникал закономерный вопрос, уже однажды заданный самой себе, еще при первой встрече с хранителями «тоннеля»:*

КТО Я В ЭТОМ МИРЕ?!..

Явно не гостья…Стоит вспомнить, как легко я создала подвесной мост через ущелье, как подчинились моему мысленному приказу сначала непонятное устройство под сводами загадочного здания, затем дверь, открывшаяся от прикосновения, и, наконец, тот странный «ключник», явившийся после гневного мысленного окрика…

Лана еще не до конца осознавала, что промелькнувшие в голове мысли являются первыми *выводами.*

Насколько они справедливы можно проверить. Карлик, которого Лана мысленно назвала «ключником», должен, просто обязан знать истину.

Но сначала нужно собраться с силами, как-то успокоиться, унять бешеный пульс крови в висках…

Она, придерживаясь рукой за стену, вернулась к лестничной площадке, где действительно были открыты два входа в небольшие помещения.

К ее разочарованию в тесных каморках не хранилось ничего интересного. Лана нашла там лишь грубо вырезанные из дерева заготовки разных форм, понять их назначение не удалось, но общее впечатление от увиденного наводило на мысль: их вырезали не с конкретной целью, а просто ради того, чтобы чем-то занять себя, не сойти с ума от безделья…

Мысли, ассоциации, интуитивные выводы... Настанет ли, наконец, ясность?

По-прежнему кружилась голова, но она, не обращая внимания на дурноту, решила, что непременно доведет до конца задуманную проверку.

Мысленно представив образ карлика, Лана сформулировала требование и застыла в напряженном ожидании.

…

Он снова появился неожиданно, словно возник из ниоткуда.

Лана находилась не в том состоянии, чтобы придерживаться церемоний. Она хотела лишь одного, – получить конкретные ответы на свои вопросы, и потому ее слова прозвучали несколько грубовато:

– Отвечай, кто ты?

Существо не издало ни звука, лишь из-под глубокого капюшона вызывающе сверкнули два уголька-глаза.

Возможно, он просто не понимает моей речи?

Лана *мысленно* повторила вопрос.

И снова в ответ тишина.

Ситуацию внезапно разрешили «одуванчики». Впервые с момента первого знакомства эти существа проявили инициативу. Они самовольно поднялись выше плеч Ланы, затем медленно, с характерным потрескиванием начали снижаться, угрожающе *надвигаясь* на фигуру карлика; одновременно энергетические нити, образующие их структуру, пришли в движение, уплотняясь в виде конусов…

Лана поняла: еще секунда упрямого молчания и карлику не поздоровится.

Нет. Она не хотела силового решения проблемы. Но был ли иной выход?

Энергетические стражи «тоннеля» остановились в нескольких сантиметрах от съежившегося существа.

Лана испытывала в этот миг противоречивые чувства. С одной стороны она явно ощущала страх маленького упрямца, продолжавшего упорно молчать, а с другой пришло уверенное осознание того, что «одуванчикам» нужен приказ для нанесения рокового удара.

Снимай свой балахон, я должна видеть с кем говорю!..

Карлик не выдержал. Все-таки страх оказался сильнее, чем упрямство. Бесформенная одежда грудой оползла на пол, и Лана едва не вскрикнула, увидев, что под ветхой тканью скрывался бледный сгусток энергии, отдаленно, карикатурно копирующий строение человеческого тела.

– Да что же ты такое?!.. – Непроизвольно вырвалось у нее.

Сейчас она испытывала лишь острую, ранящую жалость, все иные чувства отхлынули, как кровь отливает от лица, когда в стылой тишине вдруг раздался шелестящий, едва слышный шепот:

– Я ключник, госпожа…

Госпожа?! ..

Лана уже едва держалась на ногах.

– Одевайся. – Тихо произнесла она. После увиденного ей было искренне жаль, что пришлось использовать такой метод воздействия.

Отреагировав на мысль, «одуванчики» медленно воспарили вверх, занимая обычную позицию за плечами Ланы.

Госпожа… – Слово жгло разум, не давало сосредоточиться, отнимало последние силы.

Что это? Вежливое обращение или…

– Ты знаешь меня?

Карлик уже натянул свой балахон, и Лана вновь видела лишь его сверкающие глаза.

– Вы хозяйка этого мира… – Раздался в ответ сиплый, слегка настороженный шепот.

Хозяйка этого мира…

Лана все-таки не выдержала неимоверного напряжения.

Произнесенная фраза явилась последней каплей, переполнившей чашу ее возможностей.

Глава 4

Она очнулась, чувствуя, как по щекам текут слезы.

Срыв был неизбежен. Слишком долго продолжалось неведение, и вот…

Что принесло ей знание? Сотню, тысячу новых вопросов?

Лана встала, подошла к шкафу, открыла створку.

Вы – хозяйка этого мира…

Слова карлика по-прежнему жгли рассудок.

Какого мира? Где он расположен? В моих снах? В моем воображении? Кто его создал? Для чего?..

Слезы упрямо катились по щекам, помимо ее воли.

Протянув руку, Лана достала платье.

Черное платье с витиеватой вышивкой, чуть ниже выреза.

Золотое на черном… Она вдруг начала решительно переодеваться, затем, тихо спустившись вниз, включила свет и подошла к зеркалу.

Несколько секунд она не решалась взглянуть на отражение, но потом все же подняла взгляд.

Из глубин зеркала на нее смотрела… *другая женщина.*

Чтобы увидеть отличия, нужно было всматриваться в *собственное отражение* . «Наверное, Андрей сразу бы заметил разницу – промелькнула в голове мысль, – но он спит, и… слава Богу…»

Лана понимала, что смотрит *на себя* , – если признать противоположное, то тогда остается один путь – к психиатру…

И все же отражение в зеркале выглядело необычно. Конечно, можно списать все на усталость, или на цвет платья, который подчеркивал одни детали во внешности и стушевывал другие, но…

Лана, не отрываясь, смотрела на отражение, словно тонула в нем.

Оттуда на нее смотрели усталые глаза женщины, чуть более старшей, неизмеримо более мудрой, чем она. Немного иной овал лица, молочная бледность кожи, тонкая линия упрямо сжатых губ, – Лана смотрела в свое отражение, а видела… *повзрослевшую Вильгельмину* .

Наверное, слезы затуманили взгляд…

Она отвернула от зеркала. Как жить дальше? Во что верить? ЧТО ДЕЛАТЬ?!..

Миг отчаянья внезапно подсказал выход.

Если тоннель объективно существует, мне не нужен сон, вернее не

нужно ждать наступления новой ночи, зыбкого, обманчивого забвения.

Она вздрогнула от собственных мыслей.

Спустившись в столовую Лана, машинально включила чайник. Подумалось: если сейчас проснется Андрей, что я скажу ему? Босиком, в вечернем платье, заплаканная, хороша же я буду…

Тоска сжимала сердце. В прошлом и настоящем крылось нечто страшное, будто все, что она видела и пережила, являлось лишь отголоском *настоящей трагедии*, случившейся с ней в далеком прошлом.

Действуй … – Шептал горячий, обжигающий голос рассудка, а душа изнывала от горького предчувствия *страшной правды.*

Чайник вскипел, автоматически выключившись, но Лана уже не обращала внимания на бытовой прибор. Вернувшись к столу, она села на край углового дивана.

Хорошо, пусть я исключу сон. Пусть мое сознание бодрствует. Но что если тоннель – это плод воображения?

Лана еще не решалась сделать последний шаг, который может стать либо роковым, либо победным.

Последняя ступень.

Что за ней? Падение в пропасть безумия или…

Бодрствуя, я не дам распоясаться воображению .

Она прикрыла глаза. Так ей показалось правильнее, легче.

Что теперь?

Она совершенно не знала, что нужно делать.

Сосредоточиться. Создать мысленный образ входа в тоннель …

…

Мрак и ощущение полета через Бездну слились в мгновенье ошеломляющей дурноты….

* * *

«Одуванчики» встретили ее у сотой ступени.

Лана едва взглянула на них. Единственное, на что она обратила внимание, было платье.

Оно по-прежнему оставалось на ней. Не то, древнее, а настоящее, купленное в реальном мире.

Впрочем, почему в своих мыслях я подразумеваю, что *этот мир* нереален?

От знакомой площадки через бездонное ущелье была протянута сетка, над ней трос.

Лана, не колеблясь, ступила на туго натянутую металлическую

поверхность, ощущая босыми ногами ее ячеистую структуру.

Через минуту, миновав вторую площадку, она прошла мимо знакомого купола, над которым парили десятки энергетических существ и, уже зная дорогу, начала спускаться по винтовой лестнице.

На этот раз карлик появился незамедлительно, по первому мысленному требованию.

Глядя на существо в балахоне, она вновь испытывала противоречивые чувства. Карлик молчаливо ждал, в его облике почему-то угадывалась угрюмая настороженность.

Несомненно, когда-то он был человеком. По крайней мере, у него до сих пор сохранился не только зыбкий контур человеческой фигуры в формах энергетического «тела», но и явно выраженный характер, вот, например, сейчас, молчит, но изредка нет-нет, да и покоситься взглядом горящих глаз в сторону «одуванчиков». Опасается их. Явно опасается.

– Как тебя зовут?

Он ответил без промедления.

– Рамуэль, госпожа.

– Ты здесь один?

– Нет, госпожа, нас четверо.

– Где остальные?

– В разных местах. Охраняют. Мы редко видим друг друга.

– Почему я не видела никого раньше? Откуда ты появился, когда я стояла перед запертой дверью?

– Мы сливаемся со скалами госпожа. Так надежнее и безопаснее. – В его тихом голосе внезапно прорвались эмоции, словно рассудок этого существа захлестнули собственные воспоминания, несущие отчаянье и боль.

– Почему же я тебя не помню?.. – Лана едва ли осознавала, что произнесла вслух промелькнувшую мысль.

– Вы не могли меня помнить, госпожа… – Внезапно ответил Рамуэль. – Разве обычный плотник достоин внимания знати?

– Ты был плотником? – Лана вдруг вспомнила грубо оструганные деревянные заготовки.

– Давно. Когда… Был настоящим…

Был настоящим… Значит сейчас он осознает, что потерял физическое тело?

– Ты можешь мне рассказать, что случилось? – Лана присела, чтобы не возвышаться на Рамуэлем. – Как ты попал сюда?

Он долго молчал.

– Давно… Память, как вода, она утекала… вместе с обликом… постепенно… Я почти ничего не помню, но иногда хожу туда… Больно, госпожа. – Его глаза словно подернулись пеплом. – Помню, боль, огонь и крики. Потом наступила тьма. Я потерялся в ней. Затем появились вы. Вывели меня сюда, и велели ждать.

Лана стоически выдержала его сбивчивый, малопонятный рассказ, на который реагировала скорее душа, которая уже исстрадалась от горьких, неумолимых предчувствий.

Разум еще держал удары, Лана изо всех сил старалась не сорваться в пучину эмоций.

– Остальных то же привела я?

– Да, госпожа.

– Рамуэль, я видела в кладовой разные предметы. Откуда они?

– Я принес. Когда еще мог носить…

– Принес? Откуда?

Он настороженно посмотрел на Лану, словно спрашивая: «что значит – откуда?!»

– Ладно, пока можешь не отвечать. Там, среди прочего, есть хрустальный шар…

Она не закончила фразы, потому что Рамуэль прервал ее жестом.

– Он не настоящий. Подделка. Настоящий там… Я не смог его унести…

Лана больше не могла терпеть неопределенности.

– Веди. Я устала от загадок.

– Мы пойдем за шаром, госпожа?

– Да. И не задавай пока вопросов, просто укажи путь.

Рамуэль опять подозрительно покосился на Лану, но все же кивнул:

– Идите за мной.

* * *

Короткий спуск, плавный поворот винтовой лестницы, мертвенный свет энергетических стражей «тоннеля», и в нем, словно тень на гладкой стене, контур прохода.

– Здесь. – Рамуэль вдруг слился со стеной и исчез.

Лана на секунду оторопела.

Что делать?

Шагнуть за ним в этот едва приметный контур?

Она так и сделала.

Короткое, головокружительное ощущение полета, стремительного

перемещения через пространство, и вдруг… в глаза ударили серые краски пасмурного летнего вечера, она поняла, что стоит на склоне холма, у обрыва, под которым текла обмелевшая река…

Обернувшись, она увидела фигуру Рамуэля, похожую на слабое дрожание воздуха. Он был едва заметен, словно сгусток знойного марева, прихотливо принявшего очертания маленькой фигуры, закутанной в балахон.

Взгляд Ланы вдруг перестал различать детали.

Она увидела возвышающиеся над вершиной холма руины замка…

Сознание будто сорвалось в пропасть…

Взгляд скользил по окрестностям, с надрывной нечеловеческой болью *узнавая их* .

От крепостных стен остались лишь фрагменты, оплывшие бугры, из-под которых кое-где еще виднелись участки разрушенной, выветренной за истекшие *века*, кладки.

Там где когда-то была рыночная площадь, теперь простирался заливной луг… Высокий травостой скрывал следы неумолимого бега времени, но Лана уже не могла ошибиться, она узнала бы это место даже спустя тысячи лет…

Могучий лес темной стеной высился там, где когда-то росли молодые сосенки, наверное, не одно поколение деревьев сменило друг друга, поглотив в своей чаще существовавший в далеком прошлом перекресток дорог, проложенных повозками торговцев.

Лана медленно повернула голову.

Замок… От него остались лишь возвышающиеся на два-три метра руины центрального укрепления.

Сколько же прошло времени?

Она вдруг ощутила дуновение ветерка. Прохладной овеяло горящие огнем щеки, словно ветер пытался высушить дрожащие на ресницах, туманящие взгляд слезы.

Здесь произошло что-то ужасное. Даже сейчас, спустя бездну времени, руины замка хранили печать человеческих страданий.

Реальный мир. Это реальный мир…

Кто напал на город, разрушил замок, истребил жителей?

Нет ответа. Глухо молчит память, лишь хмурые косматые облака скользят над лесом, готовые вот-вот расплакаться нудным дождем.

Рядом появилась призрачная фигура Рамуэля.

Госпожа… – Его голос теперь раздавался в сознании Ланы, – *Госпожа, мы должны поторопиться. Я не могу здесь быть. Долго не могу.*

– Тут же поправился он.

Лана кивнула, хотя больше всего на свете ей хотелось сейчас неподвижно стоять и смотреть на руины замка, темный лес, заросшую травой площадь – все, что осталось у нее от прожитой когда-то жизни…

– Идем.

…

Среди руин скрывался узкий, не так давно раскопанный вход.

– Это ты сделал?

– *Да. Мы вместе. Четверо.*

– Где шар?

– *Он внутри. Под землей .*

Лана больше не испытывала сомнений. Казалось, что ее сознание переродилось при встрече с прошлым.

Исчезла неуверенность, хотя осталась масса загадок.

Она опустилась на колени, с трудом протиснулась в узкий лаз и оказалась в сыром, темном подземелье.

В первый момент Лана не смогла ничего разглядеть в кромешной тьме, но, как оказалось, оба «одуванчика» следовали за ней, только они, как и Рамуэль, приняли зыбкий, эфемерный вид. Однако, когда потребовался свет, они его обеспечили.

Запах сырости тревожил, пробуждал в сознании смутные образы, но Лана сумела справиться с собой. Главное сейчас – найти шар. В призрачном свете энергетических существ внезапно сверкнул металл. Из земли, под полузасыпанным каменным сводом, торчал фрагмент отлитой из золота подставки.

Лана с усилием потянула массивную оправу, земля неохотно отдавала покоившийся в ней предмет, корни растений удерживали его, но в конечном итоге она справилась.

Шар оказался намного больше, чем тот, что она видела в тоннеле.

Силы вновь иссякали.

Она с трудом выбралась из сырого, затхлого подземелья.

– Рамуэль помоги.

Я здесь госпожа.

Ты сможешь нести подставку? Она легче, чем шар.

Постараюсь.

Лана выпрямилась, снова оглядевшись вокруг.

Уже начинало темнеть, окрестности тонули в полумраке.

Рамуэль, откуда взялся проход?

Вы создали его, госпожа.

Лана кивнула. Почему-то она не ждала иного ответа.

Эпилог

Вернувшись, они вновь оказались на винтовой лестнице.

Лана чувствовала, что теряет последние силы.

– Мне пора уходить Рамуэль. Ты сможешь очистить шар и подставку к моему возвращению?

– Да, госпожа, я все сделаю. – Он на секунду умолк и вдруг спросил: – Госпожа, могу я…

Лана услышала в голосе карлика смятение.

– Говори. Что ты хотел спросить?

– Я хотел попросить, госпожа… Можно я взгляну в ваши глаза?

Глаза.

Зеркало нашей души.

Лана медленно присела. Горящие угольки, сверкающие из-под капюшона, казалось, впились в ее зрачки потусторонним немигающим взглядом.

Это длилось не более секунды.

Рамуэль вздрогнул, затем Лана услышала облегченный вздох.

– Ты сомневался, я ли это? – Проницательно спросила она.

– Да… Госпожа.

– И что ты увидел?

– *Это вы* .

– Я многое забыла Рамуэль.

– Я тоже… – едва слышно ответил он.

…

Лана открыла глаза.

Как оценить произошедшее?

Голова кружилась от слабости. Она встала, и, еще находясь во власти пережитого, поднялась на второй уровень квартиры, в спальню .

Нужно снять платье, пока не проснулся Андрей .

Она остановилась подле оставшегося открытым шкафа.

Снять платье…

Она посмотрела на спящего мужа и вдруг подумала, что без его участия и помощи уже, наверное, не обойтись. Рано или поздно, но придется все рассказать, – одной не найти ответа на сотни новых вопросов. Нужно искать доказательства, либо опровержения совершенных открытий.

Лана подняла руки, намереваясь раздеться, и вдруг короткая дрожь

ознобом ударила вдоль позвоночника.

Ее ладони и платье были испачканы ЗЕМЛЕЙ.